

В.И. Жилин

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ: ИЛЛЮЗИЯ ИСТИНЫ

Монография

RU
science
RU-SCIENCE.COM

Москва
2022

**УДК 1
ББК 87**

Ж72

Жилин В.И.

Ж72

Законы диалектики: иллюзия истины : монография /
В.И. Жилин. — М. : РУСАЙНС, 2022. — 264 с.

ISBN 978-5-4365-0864-1

Законы диалектики, сформулированные некогда Гегелем в рамках «объективного» идеализма, вошли в «генетику» штампов мысли советских и постсоветских выпускников вузов. Почему-то считается доказанным, что количественные изменения переходят в качественные (и наоборот), мир развивается по «спирали», так как отрицание отрицается, а противоположности, борясь друг с другом, образуют единство.

Автор не только ставит под сомнение справедливость этих «законов», но и приводит убедительные аргументы, которые разрушают идеологемы диалектики.

Книга предназначена для философов, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, для всех, кто интересуется законами мироздания.

**УДК 1
ББК 87**

ISBN 978-5-4365-0864-1

© Жилин В.И., 2022
© ООО «РУСАЙНС», 2022

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Закон единства и борьбы противоположностей	7
§ 1. Гераклит Эфесский в марксистско-ленинской истории диалектики	8
§ 2. Категория «противоположности» в античной философии	21
§ 3. Категория «противоположности» в философии Возрождения и Нового времени.....	31
§ 4. Диалектика «противоположностей» в философии И. Канта	48
§ 5. Категория «противоположности» в немецкой диалектике XIX века.....	67
§ 6. Легитимация агрессивности – предельное основание закона единства и борьбы противоположностей.....	76
§ 7. Единство и борьба противоположностей в живой природе.....	88
§ 8. Война как диалектическое средство утверждения справедливости и истины	99
Глава 2. Закон перехода количественных изменений в качественные и обратно.....	111
§ 1. Трансформация категории «количество» в диалектике	111
§ 2. Трансформация категории «качество» в диалектике	120
§ 3. Категория «мера» в материалистической диалектике.....	131
§ 4. Скачок – методологическое чудо материалистической диалектики.....	137
§ 5. Факты «классической» науки против спекуляций диалектики	148
§ 6. Взаимосвязь количества и качества в живой природе.....	165
§ 7. Диалектическая связь количества и качества в обучении.....	179
Глава 3. Закон отрицания отрицания.....	202
§ 1. Циклы Гераклита в марксистско-ленинской истории диалектики.....	202
§ 2. О всеобщности диалектического закона отрицания отрицания	212
§ 3. Отрицание отрицания в живой природе	223
§ 4. Идеальная диалектика «снятия».....	233
§ 5. Общественный прогресс: диалектический закон или идеологическая уловка?	242

Введение

Русские философы, причём не только марксисты, всегда относились с пристрастием к Гегелю (см., например, статью П.П. Гайденко¹). Однако особые отношения с философией Гегеля сложились именно у советских философов-марксистов. Особенность этих отношений заключалась в том, что они были не только явными, выраженными в принятии логики и методологии диалектики и отторжении идеализма. Не менее объёмными эти отношения были и в своей латентной части. Отторгая идеализм Гегеля открыто, советские философы-марксисты (а за ними и представители предметных областей познания) исподволь и под прикрытием материалистической терминологии вводили в философский и научный обиход ту идеальную «объективность» и так, как её понимал Г.В.Ф. Гегель. Иначе и быть не могло, ведь метод разрабатывался Гегелем для определённых целей и его нельзя искусственно оторвать от них. А признание тождественности бытия и ничто ко многому обязывает, причём не только в методологии и гносеологии, но и в онтологии. Диалектика в исполнении советских философов-марксистов продолжала приносить свои многочисленные плоды. Методология, совершенно оформленная Гегелем, оказалась чрезвычайно эффективной (для целей идеологии тоталитаризма) и, оттого, востребованной в сфере управления (манипулирования) сознанием.

Б. Рассел, описывая учение Гегеля в его связи с политическими и социальными условиями, замечает, что это такое «учение, которое, если его принять, оправдывает всякую внутреннюю тиранию и всякую внешнюю агрессию, которую только можно вообразить»². При этом Б. Рассел обращает внимание на то, что построения Гегеля не принадлежат истории, они актуальны здесь и сейчас. «Даже если (как я сам полагаю) почти всё учение Гегеля ложно, – признаёт Б. Рассел, – оно ещё сохраняет значение, которое не просто принадлежит истории, так как оно наилучшим образом представляет определённый вид философии, которая у других менее согласована и менее всеобъемлюща»³.

К. Поппер, говоря о чрезвычайно большом влиянии Гегеля на жизнь идей и жизнь людей в XX веке, отмечает: «Это прежде всего

¹ Гайденко П.П. Испытание диалектикой: пантеистические и гностические мотивы у Гегеля и Вл. Соловьёва / Вопросы философии. – 1998. – №4. С. 75 – 93.

² Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней: В трёх книгах. – М.: Академический Проект; Деловая Книга, 2008. С. 888.

³ Рассел Б. Там же. С. 874.

касается философов, занимающихся историей, политикой и образованием. В политике влияние Гегеля наиболее отчётливо проявляется в том, что и марксисты, занимающие крайне левую позицию, и консервативный центр, и фашисты, занимающие крайне правую позицию, – все они основывают свою политическую философию на Гегеле»¹.

Трудно не согласиться с этими высказываниями Б. Рассела и К. Поппера, и особенно трудно это в России, в стране, где гегельянство, ранее поставленное К. Марксом и Ф. Энгельсом «на ноги», вошло в «генетику» штампов мысли. И до сих пор (на календаре 2-ое десятилетие XXI века) выпускники российских общеобразовательных учебных заведений объясняют, «используя учение Дарвина», длинную шею жирафов тем, что «нижние листочки на деревьях были объедены, и жирафам приходилось тянуть свои шеи всё выше и выше, что и передалось по наследству».

Не менее настойчивы и выпускники вузов, уяснившие себе «всеобщий» статус «закона единства и борьбы противоположностей». В результате, борьба (распря, война, драка) стала пониматься ими как единственное средство достижения не только цели, но и истины. Поэтизируя гераклитовское утверждение о роли войны в установлении справедливости, сторонники диалектики до сих пор полагают, что только в борьбе обретёшь ты и право своё, и счастье. «Борьба необходима, борьба абсолютна, именно в борьбе, – по утверждению А.Н. Аверьянова, – и реализуются идеи единства»².

Почему же диалектика не отпускает умы российской интеллигенции до сих пор? На этот вопрос есть разные ответы. Я приведу лишь один, данный К.Н. Вентцелем ещё в первой трети XX века, но который, с моей точки зрения, и через сто лет сохраняет свою актуальность: «Диамат есть философская система, которая является особенно пригодной для тех политических партий, деятельность которых носит противоречивый характер. Никакая другая философия не может в такой мере оправдать деятельность этого рода политических дельцов, как именно философия диамата. Это также объясняет, почему партия, которая получила господство в нашей стране, так держится за эту философию, базируется на ней и стремится сделать её основой политиче-

¹ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Марк и другие оракулы. – М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. С. 39.

² Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. С. 130.

ского и морального воспитания молодежи»¹. Думаю, что диамат, истмат и просто диалектика будут держать человечество в своём плену ещё долго, по крайней мере, до тех пор, пока хитрости не будет поставлен надёжный заслон. Ведь хорошее не может существовать без плохого, доброе без злого, дурное без умного, и мир без войны. А раз так, то и мир может быть установлен лишь посредством развязывания войны, хорошее будет множиться, если дать свободу плохому, а из наших учебных заведений будет выходить всё больше умных людей, если целенаправленно увеличить количество «дурных» выпускников. Вероятно, и извечные беды России могут быть решены с опорой на диалектику единства и борьбы противоположностей. При этом партия, которая поставила диалектику себе на службу, не ограничена членами КПСС или КПРФ. Эта партия значительно шире формальной принадлежности к тому или иному политическому союзу. Имя этой партии – лицемеры.

¹ Цит. по: Дружников Ю.И. Явная и тайная жизнь Константина Вентцеля / Вопросы философии. – 1996. – №4. С. 119.

Глава 1. Закон единства и борьбы противоположностей

Закон единства и борьбы противоположностей является ядром диалектики, в том числе и материалистической. По утверждению Ф. Энгельса, «объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путём противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга»¹. Можно много спорить о значении этого закона для поиска истины. Так оно и было, начиная с первых его формулировок, сделанных Гераклитом. Аристотель, как известно, довольно едко высмеивал этот диалектический закон. С его точки зрения, «люди, выставляющие это положение (утверждающие возможность противоречия), уничтожают сущность и суть бытия»². А советские марксисты считали закон единства и борьбы противоположностей ядром диалектики. Э.В. Ильенков в этой связи признавал: «Противоречие как конкретное единство взаимоисключающих противоположностей есть подлинное ядро диалектики, её центральная категория. На этот счёт среди марксистов не может быть двух мнений»³.

Однако следует отметить, что и среди советских философов не было единого взгляда на этот закон. Хотя, уже приняв диалектику как метод и мировоззрение, советские философы не дискутировали о допустимости противоречия в природе и мышлении. Противоречивым должно быть всё. И всё зиждется, движется и развивается на основе противоречий. Поэтому разногласия между советскими философами были иными: одна партийная фракция настаивала на ортодоксальном принятии противоречия («противоречия одновременно истины»), идущем в разрез с формальной логикой, другая – предлагала некую редакцию, которая позволяла включать в рассуждения противоречия, но так, чтобы не нарушать закона (не)противоречия формальной логики. В.В. Черников в этой связи отмечал: «В советской философской литературе отсутствует единое мнение по отдельным вопросам проблемы, даже по такому узловому вопросу, как понимание сущности диалектического противоречия. Многие авторы (Н.В. Андреев, Э.В. Ильенков, З.М. Оруджев, М.М. Розенталь, А.И. Шептулин и др.) рассматривают

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1982. С. 180.

² Аристотель. Метафизика. – М. – Л.: ОГИЗ, 1934. С. 65.

³ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – М.: Либроком, 2012. С. 257.

диалектическое противоречие как отношение противоположностей, взятых в одном и том же отношении, в одно и то же время, в одном и том же месте. Противоположную точку зрения высказывают Е.К. Войшвилло, И.С. Нарский, В.И. Свидерский и др.»¹. Однако «отсутствие единого мнения» на «диалектическую» сущность закона единства и борьбы противоположностей не привело советских философов к забвению самого закона, как это почти произошло с приоритетом Гераклита в области диалектики по причине отсутствия «скольконибудь общепринятого понимания» его учения. Но и это отсутствие единодушия так же способствовало утверждению дела диалектики, ведь, опираясь на этот закон, оказывается возможным объяснить и оправдать всё, любую нелепицу и любой абсурд, т.к. он (этот закон), в силу своей «всеобщности», не только «объясняет» происхождение, движение и развитие природы и общества, но и упраздняет законы формальной логики – и закон тождества, и закон (не)противоречия.

§ 1. Гераклит Эфесский в марксистско-ленинской истории диалектики

Начало диалектики уходит ко времени 69-ой олимпиады, когда свои многозначные и недружелюбные по отношению к людям высказывания изрекал в Эфесе Гераклит по прозвищу Тёмный.

Открытая ненависть к окружающим (простым труженикам Эфеса) основоположника диалектики в советской («гуманистической») философии не афишировалась. Более того, и само имя Гераклита не особо упоминалось в фундаментальных основах марксизма. Так, С.Н. Муравьёв в Философском энциклопедическом словаре 1983 года в статье, посвящённой Гераклиту, отмечал: «Гераклит (Ἡράκλειτος) из Эфеса (ок. 520 – ок. 460 до н.э.), древне-греческий философ, один из ионийских философов. От сочинений Гераклита, названных позднее «О природе» или «Музы», сохранилось ок. 150 фрагментов, а также несколько сот свидетельств об учении, подражаний и т.д. Ввиду огромных трудностей филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита»². Удивительно, но взять в качестве фунда-

¹ Диалектическая логика / Под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 167.

² Муравьёв С.Н. Гераклит / Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 109.

ментальной основы своего учения о развитии (материалистической диалектики) идеи философа, а потом сказать, что «до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания» этих идей, выглядит, по меньшей мере, странно.

В этом же словаре, но в статье о диалектике, А.Ф. Лосев и А.Г. Спиркин всё же признавали: «Наиболее яркое проявление античная диалектика получила у Гераклита, согласно которому мир, находящийся в постоянном потоке, внутренне противоречив и мыслится в вечном становлении, движении, в единстве противоположностей»¹. Но далее, вероятно тоже принимая во внимание отсутствие «сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита», авторы вынуждены отделить зёрна от плевел, и не допустить смешения идей «одного из ионийских философов» с незапятнанным и единственно верным учением Маркса-Ленина. Решая эту партийную задачу, А.Ф. Лосев и А.Г. Спиркин конкретизировали: «На основе философии Гераклита и элеатов возникла отрицательная диалектика софистов, которые отойдя от диалектики бытия натурфилософов, привели в бурное движение человеческую мысль с её противоречиями, неустанным исканием истины в атмосфере постоянных споров. Однако, гипертрофируя относительность человеческого знания, они дошли до релятивизма, доведя диалектику до крайнего скептицизма»². Интересный поворот истории: Гераклит оказывается уже не предтечей диалектики Гегеля и, соответственно, материалистической диалектики; на основе философии Гераклита возникла лишь отрицательная диалектика софистов, релятивизм и скептицизм – течения философской мысли чуждые марксизму, с которыми советским философам приходилось вести непрерывную идейную борьбу. Более того, непосредственно А.Ф. Лосев³ в капитальном труде по истории античной эстетики высказывает, опираясь на своё представление о сути философии, сомнение в том, что Гераклит вообще философ: «Если философию понимать как оперирование отвлечёнными терминами и понятиями, то Гераклит совсем не философ»⁴. Интересный поворот истории философии.

Несколько «странное» отношение советских философов к Гераклиту не могло в те времена быть спонтанным, непродуманным. Истоки

¹ Лосев А.Ф., Спиркин А.Г. Диалектика / Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 154.

² Лосев А.Ф., Спиркин А.Г. Там же. – С. 154.

³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. – М.: ООО «Издательство АСТ», Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.

⁴ Лосев А.Ф. Там же. – С. 378.

такого отношения к любому философу обязательно «проистекали» из трудов «классиков» материалистической диалектики.

Впервые на некоторую странность по отношению к Гераклиту обратил внимание ещё В.И. Ленин. Конспектируя «Лекции по истории философии» Гегеля, он заметил, что автор почему-то меняет местами Зенона и Гераклита. Гераклит идёт позже, но слова, сказанные Гегелем в его адрес, В.И. Ленин выделяет: «Здесь перед нами открывается новая земля; нет ни одного положения Гераклита, которое я не принял бы в свою Логику»¹.

В истории философии хорошо известно, что Гегель, по большому счёту, «возродил» Гераклита после более 2000 лет забвения, которое было обусловлено разгромной критикой со стороны Аристотеля. При этом к некоторому удивлению В.И. Ленина, Гегель в «своей» истории философии ставит Зенона впереди Гераклита. И данная реконструкция истории, можно предположить, обусловлена не только схемой Гегеля, согласно которой диалектика идёт от «беспорядочного рассуждения, в котором не растворяется сама душа вещей» («внешняя диалектика»), к «имманентной диалектике», имеющей место в размышлении субъекта, и заканчивается диалектикой Гераклита – «объективной диалектикой». Историческая реконструкция, с моей точки зрения, используется Гегелем и как трюк, позволяющий наглядно продемонстрировать методологическую эффективность диалектики. Ведь Зенон, провозглашённый Гегелем в «обновлённой» им же истории «родоначальником подлинно объективной диалектики»², мог в «обновлённой» истории своей философской доктриной, отрицающей движение, навредить диалектике. А изменив порядок исторических событий, который странным образом не соответствовал логике развития Абсолюта, Гегель не только привёл мир в надлежащий порядок, он ещё дал возможность Гераклиту высказать торжествующее послесловие к «диалектическим» возражениям Зенона по поводу диалектики. Ведь, с точки зрения Гегеля, «Зенон выразил бесконечное лишь с его отрицательной стороны, признал его вследствие его противоречивости неистинным»³. Но, как известно из истории философии, Зенон, отстаивая воззрения своего учителя Парменида, демонстрировал абсурдность идей Гераклита. Гераклит же не имел возможности возразить. Но Гегель довольно легко эту «несправедливость» исправил. Ведь именно Гераклит вер-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.29. Философские тетради. – М., 1977. С. 234.

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб., 2006. С. 273.

³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб., 2006. С. 289.

шина античной философии полагает Гегель. И, поясняя свой взгляд на Гераклита, Гегель утверждает: «У Гераклита же мы видим завершение предшествовавшего сознания, завершение идеи, её развитие в целостность, представляющую собою начало философии, так как он выражает сущность идеи, понятие бесконечного, в себе и для себя сущего, как то, что оно есть, а именно как единство противоположностей»¹. И всё встало, согласно Гегелю, на свои места. Круг замкнулся. Гармония восстановилась.

«Возрождая» Гераклита, Гегель, вместе с тем, принимает как основополагающие в свою систему и все положения его учения. При этом диалектика самого Гегеля входит составной частью в материалистическую диалектику. Но далее, уже советские марксисты, говорят, что «до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита», а трудности восстановления смысла дошедших текстов «огромны». Некоторые, носящие характер гипотезы, разъяснения, предвещающие такую осторожность советских философов, можно найти у Ленина в «Философских тетрадах» в конспекте книги Лассалья «Философия Гераклита Тёмного». Уличая Лассалья в списывании Гегеля по поводу цитат из Гераклита и о Гераклите, В.И. Ленин, вместе с тем, отмечает: «Лассаль совершенно не знает чувства меры в этом сочинении, прямо-таки *топя* Гераклита в Гегеле. Это жаль. *Гераклит в меру*, как один из основоположников диалектики, был бы архиполезен: из 850 страниц Лассалья надо бы сделать 85 страниц квинтэссенции и перевести на русский: "Гераклит как один из основоположников диалектики (по Лассалю)". Могла бы выйти полезная вещь!»². Гераклита на русском языке (т.е., для русских) надо в меру. В.И. Ленин знает, что говорит, и что делает: людей, и особенно русских, необходимо информировать в меру, в меру, которую знает лишь авангард рабочего класса. Интересная забота о русских. Похоже, что именно это замечание Ленина о соблюдении меры в подаче для русских цитат из Гераклита и сведений о нём превратило в дальнейшем усилиями советских философов-энциклопедистов основоположника диалектики в «одного из ионийских философов», который в образной форме "гармонии лиры и лука" обнаружил противоречие. Лениным было сказано, что из 850 страниц «цитат из Гераклита и о Гераклите» надо оставить 85, но каких именно он не указал, а потому, смею предположить, и возникли во

¹ Гегель Г.В.Ф. Там же. – С. 289.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.29. Философские тетради. – М., 1977. С. 308.

второй половине XX века «огромные трудности филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов» Гераклита.

И уже далее, по согласованному мнению советских философов оказывается, что не Гераклит ввёл в философию идею изменчивости. При этом и образ реки, на который ссылаются все философы, пишущие о диалектике, соединяя в себе мысль о текучести и становлении бытия, не может служить веским аргументом в диалектическом приоритете Гераклита. А.Ф. Лосев по этому поводу разъясняет: «В последующие времена, когда у греков развилась тончайшая диалектика становления, образ реки и многие другие яркие символы Гераклита были очень удобными тезисами для философских построений, равно как и прекрасной мишенью для диалектических ниспровержений. Этим, вероятно, и объясняется огромная популярность и невероятная раздутость гераклитова символа реки. Однако нет никаких филологических оснований приписывать определённое логическое содержание данному выражению и выставлять этот символ да и вообще учение о текучести как что-то основное, подавляющее, специфическое для Гераклита»¹. Интересное замечание. Хотя, с моей точки зрения, дополнительные филологические основания особо и не нужны для того, чтобы приписать образу реки определённое логическое содержание. А.Ф. Лосев проводит свою точку зрения далее: «Наоборот, если всерьёз относиться к образности языка дошедших до нас фрагментов Гераклита, то а priori сомнительно, чтобы он с этим образом связывал какие-нибудь отвлечённо-диалектические построения»². Вполне возможно и допустить вслед за А.Ф. Лосевым, что Гераклит не связывал с образом реки «отвлечённо-диалектические построения», однако, такое допущение не исключает, что именно образ реки привёл и самого Гераклита и его последователей к определённым «отвлечённо-диалектическим построениям». И более того, конкретное, воплотившееся в образе, превратившись в образ, не может не быть абстрактным. А если принять во внимание, что Гераклит использует и образ реки, и образ огня в одном и том же смысле – как выражение тотального изменения (на тождественность отвлечённо-диалектических смыслов этих метафор обращает внимание и М.К. Мамардашвили³), то принять пунктуальную точку зрения филологов становится почти невозможно.

¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. – М., 2000. С. 381.

² Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. – М., 2000. С. 382.

³ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 320 с.

Складывается впечатление, что А.Ф. Лосев в своём видении творчества Гераклита исходит из своеобразного понимания художественного творчества, согласно которому художественный образ не возникает в творческом акте художника, а является лишь воплощением в чувственно-конкретной форме уже готовых (кем-то подготовленных) понятий – «каких-нибудь отвлечённо-диалектических построений». И это недоверие к идейной самости художников является довольно распространённым в среде интеллектуалов, обладающих, согласно самооценке, способностью к «отвлечённо-диалектическим построениям». Возможно и распространённым, но не общепринятым. Полагаю, что есть разные художники. При этом переносить творческие приёмы «художников», обладающих технологиями художественной обработки идей глубокомысленных интеллектуалов на познавательное творчество Гераклита, как минимум не корректно.

Так П.В. Копнин¹, описывая становление и развитие художественного образа, настаивает, в частности на том, что научное познание и познание художественное лишь специфичны, и не являются двумя различными видами познания. В отличие от авторов, считающих художественный образ первосозданием готовых абстракций, П.В. Копнин утверждает: «Образование художественного образа происходит действительно по общим законам движения познания. А если так, то художник исходит не из готовой идеи, которую воплощает потом в чувственный образ, а из эмпирического материала, из наблюдений над жизнью людей в природе и обществе. Далее он идёт к обобщениям, к познанию сущности явлений, которое имеет свою специфику. Наука от чувственно-конкретного через абстрактное идёт к конкретному в мышлении, к познанию целого в абстракциях, искусство не порывает с чувственно-конкретным, оно подымает его до обобщения большого гносеологического, социального и эстетического значения»². А Гераклиту в такой способности почему-то отказали... И вот уже Ф.Х. Кессиди утверждает: «Вопрос об отношении диалектического материализма к воззрениям Гераклита, как и трактовка его учения в марксистской философии, антиковедами не рассматриваются. Отдельные же ссылки на высказывания Маркса, Энгельса, Ленина в адрес древнего мыслителя не меняют положения дел»³.

¹ Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. – М.: Наука, 1969. – 484 с.

² Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. – М., 1969. С. 445.

³ Кессиди Ф.Х. Гераклит и диалектический материализм / Вопросы философии. – 2009. – №3. С. 142.

Но К.Р. Попперу, в отличие от советских философов, искавших партийную (выгодную для партии) истину на пути согласования (когеренции) и «общепринятого понимания», было проще, и, в этой связи без озирания по сторонам, он сообщает: «Гераклит был философом, открывшим идею *изменчивости*»¹. Можно, конечно, не согласиться с К.Р. Поппером – известным критиком марксизма, но, как оказывается, и Ф. Энгельс – один из авторов материалистической диалектики, признавал приоритет Гераклита в философском открытии изменчивости мира. Отдавая должное диалектическим идеям всех древнегреческих философов, Ф. Энгельс отмечает: «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остаётся неподвижным и неизменным, а всё движется, изменяется, возникает и исчезает. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: всё существует и в то же время не существует, так как всё *течёт*, всё постоянно изменяется, всё находится в постоянном процессе возникновения и уничтожения»².

Выходит, что и К.Р. Поппер, и Ф. Энгельс, даже будучи идейными антагонистами, вместе с тем одинаково признали заслуги Гераклита перед философией, перед человеческой мыслью. С их «общей» точки зрения, именно Гераклит впервые ясно и чётко заявил об изменчивости мира, именно он открыл идею изменчивости, ведь именно он, Гераклит, утверждал, что «всё течёт, всё изменяется», «всё становится и течёт, и нет ничего устойчивого», «дважды в ту же реку невозможно войти». Можно, конечно, уйти в дали (или шири) филологических интерпретаций этих выражений, но полезнее и проще отказаться от изощрённой экзегезы и принять, полагаясь на «правило вежливости» Декарта, высказывания Гераклита буквально – нет ничего устойчивого.

Трудно переоценить это открытие Гераклита. Философия, наука и обыденное мышление с тех пор пропитаны идеей движения, идеей изменчивости. Можно, конечно, не прийти к «общепринятому пониманию» этого фрагмента учения Гераклита, особенно «ввиду огромных трудностей филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов», но это, с моей точки зрения, не является аргументом за

¹ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 41.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1988. С. 16.

то, чтобы отказать в приоритете открытия фундаментального положения диалектики «одному из ионийских философов». Эта историко-филологическая позиция отечественных энциклопедистов вызывает удивление, особенно, если принять во внимание, что Гегель все положения диалектики Гераклита включил в свою философскую систему, Ф. Энгельс и В.И. Ленин признавали и принимали диалектический приоритет «одного из ионийских философов», а советские философы, творчески развивая идеи марксизма-ленинизма, в виду «непреодолимых филологических трудностей» так и не смогли определиться с местом Гераклита в материалистической диалектике.

Однако надо заметить, что советские историки марксистской философии и скрупулёзные филологи-реконструкторы текстов диалектики не были одиноки в своём подходе к (пере)оценке творчества Гераклита. Искали филологическую истину в текстах «одного из ионийских философов» и западные исследователи. При этом за право философа понимать тексты Гераклита философски (а не филологически) вступился именно К.Р. Поппер.

Отстаивая в дискуссии с Барнетом, Кирком и Равеном (которые утверждали, что *все* мыслители-досократики признавали наличие движения) приоритет Гераклита в открытии изменчивости (в его философском смысле и значении), К.Р. Поппер утверждает, что «они не могут увидеть разницы между утверждением милетцев "В доме имеется огонь" и гораздо более сильным утверждением Гераклита "Весь дом в огне"»¹. Но, по мнению "филологических" оппонентов К. Поппера, огонь у Гераклита есть архетипическая форма материи и ничто в сохранившихся фрагментах не свидетельствует о том, что и скала, и бронзовый котёл постоянно подвергаются изменениям. Отстаивая право философа на свой, нефилологический, взгляд, К. Поппер, будучи «вежливым» к высказываниям предшественников, отмечает: «Однако что бы ни означало слово "архетипический", раз мы признали, что в сохранившихся фрагментах Гераклит говорит о том, что вся материя является огнём (в смысле архетипичности или каком-то ином), то, значит, он говорит, что вся материя подобно огню является процессом»². А как ещё можно интерпретировать Гераклита³, не будучи предвзятым (включившись в построение масштабной идеологической системы),

¹ Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. С. 250.

² Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М., 2008. С. 251.

³ Гераклит Эфесский: Всё наследие. – М., 2012. – 350 с.

когда читаешь «обрывки» его мыслей: «Всё течёт, всё изменяется», «Всё становится и течёт, и нет ничего устойчивого», «Вся материя целиком изменчива, подвижна, обратима и текуча», «Все <вещи> состоят из огня», «Всё есть движение, и нет ничего кроме него», «Ничто никогда не есть, а всё всегда возникает».

Таким образом, отказавшись от партийной «герменевтики», мы не можем не признать, что согласно Гераклиту, и, прежде всего, Гераклиту, вся материя вовлечена в процесс, её (материи) вообще нет вне движения, вне изменения. И именно это положение вошло без каких-либо изменений в материалистическую диалектику – в мире нет ничего кроме движущейся материи. Меняется всё – и природа, и общество, и мышление. И именно так поняли «тёмные» тексты Гераклита и Гегель, и Энгельс, и Ленин, и Поппер. И пусть они тем самым, как замечает специалист-филолог-историк С.Н. Муравьев, написали свою историю философии, которая отлична от филологической, а иногда и исторической аутентичности. Они и не претендовали на статус историка или филолога. Они, по большому счёту, даже не писали историю философии. Они создавали свои философские системы, включая в них своё понимание наработанного человеческой мыслью ранее. Г.В.Ф. Гегель, некогда обращаясь к историками и филологами, которые рьяно боролись за букву истины текстов Платона, заметил: «Мы, следовательно, не нуждаемся в дальнейших исследованиях, чтобы установить, что в излагаемых мыслях принадлежит Сократу и что Платону. Но, помимо этого, следует ещё заметить, что так как сущность философии всегда остаётся одной и той же, то каждый последующий философ включит и необходимо включает предшествующие философские системы в свою собственную; ему же, собственно принадлежит только тот способ, каким он их дальше развивает»¹. Очевидно, что Гегель не нуждался в дополнительных интерпретациях историков и филологов.

Ещё более спорным в своих интерпретациях и с ними связанных последствий является утверждение Гераклита о единстве и борьбе противоположностей. Но именно это положение составляет фундаментальное ядро материалистической диалектики. Г.С. Батищев в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 года выверено и согласовано пишет о законе единства и борьбы противоположностей, что это «один из основных законов диалектики, выражающий источник самодвижения и развития явлений природы и социально-исторической действительности, выступающий и как всеобщий закон познания. Закон

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб., 2006. С. 125.

единства и борьбы противоположностей в системе материалистической диалектики занимает центральное место, являясь сутью, "ядром" диалектики»¹.

Для нас очень важно, что Г.С. Батищев вскрывает и истоки этого закона материалистической диалектики: «В истории философии первоначально сложилось представление о повсеместном сцеплении крайностей, об их чередовании и замещении друг другом, о том, что они "сходятся". Из этого представления выросла концепция поляризма (например, у Лао-цзы, в пифагореизме), которая в иных формах воспроизводится и в ряде школ нового и новейшего времени (Шеллинг, Уайтхед, органицизм)»². И не поспоришь. Всё так и есть. Хотя материалистическая диалектика в качестве своего исторического прародителя имела всё же не Лао-цзы, а Гегеля и, соответственно, Гераклита. Более того, концепция недеяния (у-вэй), принятая в даосизме, отвергает споры, войны и распри, и предполагает подчинение естественному процессу, гармонию с дао (путь возникновения, развития и исчезновения всех вещей), а не диалектическую распрю. Пишет Г.С. Батищев и о Гераклите, но после Лао-цзы и вскользь: «Собственно диалектика зарождается там, где вскрывается проблема противоречия; сначала противоречие обнаруживается в виде образа ("гармония лиры и лука" у Гераклита) или *апории*. Из античных философов наиболее развёрнуто рассматривал диалектику единства и борьбы противоположностей Платон»³. Вполне своеобразная «история философии».

А.Ф. Лосев тоже обращает внимание на то, что среди досократиков было много философов, которые говорили о совпадении противоположностей: «К вышеизложенному следует добавить, что учение о совпадении противоположностей развивали почти все досократики, и наличие его у Гераклита ничем не выделяет его *на фоне общей досократовской философии*. Гераклит – это досократовская философия и эстетика вообще, и очень трудно сказать, чем он отличается от неё специфически. Это – общее досократовское эстетико-философское мировоззрение, выраженное в максимально яркой форме»⁴.

Трудно не согласиться с А.Ф. Лосевым. Ведь, говоря о том, что учение о совпадении противоположностей – это общее досократовское эстетико-философское мировоззрение, А.Ф. Лосев совершенно прав.

¹ Батищев Г.С. Единство и борьба противоположностей / Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 183.

² Батищев Г.С. Там же. – С. 183.

³ Батищев Г.С. Там же. – С. 183.

⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. – М., 2000. С. 403.

Однако мы не рассматриваем вопрос об исторических приоритетах среди досократиков. В данном случае речь идёт о конкретных исторических предшественниках материалистической диалектики, среди которых, как известно, особое место занимает Гегель – философ, выделивший из всех досократиков именно Гераклита, а также открыто и без «оглядки» на будущих диалектико-филологических (ре)конструкторов, включивший все положения «тёмного» учения в качестве основополагающих, в свою философскую систему.

При этом, несомненно, А.Ф. Лосев делает большой значимости работу – он восстанавливает историческую справедливость, а также соответствие переводов и трактовок сути высказываний самого Гераклита. Однако на Гегеля и философию марксизма эта, открытая А.Ф. Лосевым истина, уже не может повлиять. И для Гегеля, и для всей последующей марксистской философии именно Гераклит был первым выразителем идей диалектики, причём именно в том смысле, в той трактовке, в которой её уразумел Гегель, а не переводчики и «реконструкторы» XX века. И в этой связи критика А.Ф. Лосевым Гегеля и Лас-саля за неадекватную оценку творчества Гераклита, даже будучи вполне обоснованной методологически, филологически и исторически, может лишь снять вину (если допустить её существование) конкретно с Гераклита как с исторической личности за последующие грехи (если они есть) марксизма. Но эта критика уже не в состоянии изменить диалектической сути марксизма (методологической и мировоззренческой), причём в той интерпретации, которую привнёс Гегель своим пониманием Гераклита. Идея единства и борьбы противоположностей, даже если она исходит сразу от всех досократиков или только от Лао-цзы (предельно миролюбивого), будучи по своему интерпретирована и принята на вооружение Гегелем, Марксом и их последователями, уже воплотилась не только в теоретических конструкциях, но и в реальных делах, и, в этой связи, не может быть отменена или изменена историческими и филологическими реконструкциями.

Г.В.Ф. Гегель, «оправдываясь» перед скрупулёзными знатоками языков и истории за «неправильное», «неадекватное» понимание им философии «древних», продемонстрировал и свою точку зрения: «Если философы высказываются о философских вопросах, они необходимо должны следовать своим идеям; они не могут спрятать их в карман. Даже в тех случаях, когда они говорят с некоторыми людьми внешне, идея всё же содержится в том, что они высказывают, если только оно не бессодержательно. Для передачи какого-нибудь внешнего события требуется немного, но для сообщения идеи требуется умение. Она все-

гда остаётся чем-то эзотерическим, и философы никогда не дают исключительно эзотерическое учение. Всё это – поверхностные представления»¹. Для преодоления буквенного смысла нужна работа мысли. Эзотерическое, будучи понято ограниченным кругом людей, не скрывается специально от других – филологов, историков и пр. Г.В.Ф. Гегель в этой связи замечает: «Но эзотерическим является спекулятивное, которое, хотя бы оно было написано и напечатано, всё же, не будучи тайной, остаётся сокрытым для тех, кто не хочет делать усилия мысли»².

Поразительно, но при чтении советских авторов-энциклопедистов, возникает впечатление, что Гераклит имеет лишь косвенное отношение к диалектике и то посредством метафоры "гармонии лиры и лука".

Фиксируя роль Гераклита в открытии диалектического закона единства и борьбы противоположностей лишь как обнаруженное и сформулированное им образное противоречие «гармонии лиры и лука», советские философы-энциклопедисты почему-то не упомянули о других, более диалектичных высказываниях «одного из ионийских философов».

«Гармония лиры и лука» в текстах, составляющих доктрину Гераклита о слиянии противоположностей, тоже была, но был и целый ряд других высказываний, которые, приняв «правило вежливости» Декарта, нельзя интерпретировать иначе, как первые формулировки диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Вот они, переведённые, систематизированные и реконструированные знатоком языков и истории С.Н. Муравьевым: «Сущее одновременно множественно и едино и держится через вражду и дружбу»³; «Космос состоит из противоположностей: сухих и влажных, холодных и горячих...»⁴; «Части мира (единого) состоят из пар противопоставленных друг другу <свойств>»⁵; «Единое состоит из двух противоположностей, которые себя проявляют, стоит его разделить»⁶; «Противоположности тождественны: белое и чёрное, хорошее и дурное, сладкое и горькое»⁷; «Про-

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. – СПб., 2006. С. 124.

² Там же. – С. 169.

³ Гераклит Эфесский: Всё наследие. – М., 2012. С. 132.

⁴ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 132.

⁵ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 132.

⁶ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 132.

⁷ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 135.

тивоположности существуют в качестве <свойств> одного и того же»¹; «Противоположности взаимно тождественны»²; «Противоположности сводятся к одному и тому же»³; «Противоположности – единое»⁴; «Противоположности – начала, и стóбит другой противоположности исчезнуть, чтобы Всё уничтожилось и исчезло»⁵. И это далеко не все изречения Гераклита в отношении единства и борьбы противоположностей. Гераклит, всё в том же переводе и реконструкции, приводит много примеров, поясняющих идею единства и борьбы противоположностей: «расходящееся всегда сходится»⁶; «не понимает того <большинство>, как Единое расходясь с собою согласуется: противовратная гармония (лад), как у лука и у лиры»⁷; «ведь совпадают конец и начало у ободка колеса»⁸; «мóря вóды – самые чистые и самые грязные: для рыб они сладостны и спасительны, для нас же – гадостны и губительны»⁹; «путь вверх – вниз один и тот же: <путь прямой>»¹⁰.

Можно много спорить о значении закона единства и борьбы противоположностей для истории природы и общества, для поиска истины. Так оно и было, начиная с первых его формулировок, сделанных Гераклитом. Аристотель¹¹, как известно, довольно едко высмеивал этот диалектический закон. С его точки зрения, «люди, выставяющие это положение (утверждающие возможность противоречия), уничтожают сущность и суть бытия»¹². Не было единого взгляда на этот закон и в советской философии. Хотя, уже приняв диалектику как метод и мировоззрение, советские философы не дискутировали о допустимости противоречия в природе и мышлении. Противоречивым должно быть всё. И всё жидется, движется и развивается на основе противоречий. Поэтому разногласия между советскими философами были иными (см., например, В.В. Черников¹³): одна «фракция» настаивала на ортодокс-

¹ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 137.

² Гераклит Эфесский. Там же. – С. 137.

³ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 137.

⁴ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 137.

⁵ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 136.

⁶ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 197.

⁷ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 197.

⁸ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 198.

⁹ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 200.

¹⁰ Гераклит Эфесский. Там же. – С. 205.

¹¹ Аристотель. Метафизика. – М. – Л., 1934. – 348 с.

¹² Там же. – С. 65.

¹³ Диалектическая логика / Под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 298 с.